

УДК 1: 316.462: 81

О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ПОНЯТИЯ «ЛЕГИТИМНОСТЬ»

С.В. Козлов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В центре статьи – некоторые важные аспекты концептуального анализа понятия «легитимность». Опираясь на проведённый Э. Бенвенистом лингвистический анализ индоевропейских социальных терминов, связанных с понятиями авторитета, доверия, преданности, развивается и обосновывается представление о том, что исходные основания и отправные смыслы концепта легитимности имеют глубокий социально-антропологический фундамент: восходя к потестарно-архаическим состояниям, эти смыслы закладывались на уровне переплетения утилитарных и мистических компонентов «доверительных отношений» властвующих и подвластных.

Ключевые слова: *легитимность и легальность, власть, авторитет, доверие, семантика терминов, концептуальный анализ.*

Понятие легитимности занимает важное место в многообразных современных социальных дискурсах. Хотя этимологически оно и означает законность (от лат. *legitimus* – законный), в своём концептуально-смысловом содержании это понятие не может быть полностью покрыто понятием легальности (от лат. *legalis* – законный), означающим формальную, юридическую законность. Выступая в качестве сложного семантического образования, понятие легитимности включает и «сплавливает» в себе такие смыслообразования, как «авторитетность», «доверие», «преданность», «добровольность», «обоснованность», «справедливость», «законность», «правоспособность» и некоторые другие. Специфические юридические, политические, морально-этические дискурсы могут делать акценты на различных аспектах этого понятия.

Как известно, последовательное отождествление легальности и легитимности характерно для традиции правового позитивизма, развивавшейся с середины XIX в. и сохраняющей своё влияние и в последующее время. В рамках этой концептуализации легитимность выводилась из законной видимости власти, так что между понятиями «легальность» и «легитимность» внешним образом не возникало никакой напряжённости. К. Фридрих следующим образом определяет эту позицию: «Вопрос о легальности господства есть вопрос о том, согласуется ли господство с существующими законами позитивного права, в особенности совершается ли оно в соответствии с существующей конституцией. <...> В этом случае вопрос о легитимности, где есть господствующие правовые воззрения позитивного права, заключается только в спрашивании, согласуется ли оно (т. е. господство. – С. К.) с позитивным пра-

вом, и если да, то есть основание считать его легитимным» (цит. по: [1, с. 21]). Обнаруживаемое здесь стремление вывести легитимность господства из его легальности говорит о приверженности формализации и рационализации властных отношений, что само по себе не всегда снимает проблему источников властного авторитета и его «предельного» обоснования. В отличие от концепции «естественного права», затрагивающей проблему морального содержания законов и обосновываемой через отсыл к допущению об универсальности человеческой природы, концепция «позитивного права» склонна рассматривать закон лишь как совокупность правил, выполнение которых поддерживается соответствующими санкциями и государственным аппаратом принуждения. В связи с этим легитимность самого закона определяется не его моральным содержанием, а теми процедурами, посредством которых он разрабатывается и проводится в жизнь соответствующими властями. Ценностная нейтральность данной позиции может вести в пределе к трактовке правомочности (т. е. легитимности в данном контексте) как побочного результата власти (и силы), полагающей закон и подкрепляющей его соответствующими санкциями.

Данная концептуализация предполагает ситуацию совпадения легальности и легитимности. Но всегда ли они совпадают? Ведь легальность выступает как явление юридическое, по крайней мере, по процедуре: она устанавливается и гарантируется властью. В то время как легитимность следует признать явлением более широкого порядка: она представляет ценностный, культурный аспект взаимоотношения власти и общества, возникает из однородности политических установок, нравов, традиций, экономической системы, общего духа данного типа общества (см.: [4, с. 49, 50]). Власть может осуществить легализацию определённых отношений, но в том случае, если они будут противоречить установкам и ценностным приверженностям общества или отдельных его слоёв, то будут восприниматься носителями данных представлений в качестве нелегитимных, негативно сказываясь на представлениях о легитимности власти и её полномочий. Сами легально-правовые механизмы функционирования власти и общества предполагают их признание обществом, что и делает их легитимными.

Распространена точка зрения, согласно которой окончательную качественную определённость легитимность и легитимация получают только в полностью модернизированных политических сообществах, и связывают это со становлением гражданского общества и развитием институтов-посредников между государством и обществом. Более того, легитимация может пониматься даже как специфически современная форма взаимного оправдания государства и гражданского общества, их примирения (см.: [6, с. 167–168]).

Имея в виду всю обоснованность и оправданность подобной концептуализации, следует тем не менее исходить из того, что феномен ле-

гитимности имеет гораздо более широкий и многоплановый характер. В частности, необходимо акцентировать внимание на том, что в качестве исходных, базовых форм легитимности выступает авторитет и наделение им, а также доверие (см.: [5, с. 48; 6, с. 168; 7]. Смысловые связи между понятиями, выражающими означенные феномены, представляются очевидными. Так, авторитет может мыслиться в качестве такого свойства центров власти, наделение и распределение которого обеспечивает особую «доверительность» властных отношений, их «признанность», «согласованность». Выступая в качестве семантической основы концепта «легитимность», понятия «авторитет» и «доверие» определяют его исходное смысловое содержание и являются релевантными по отношению к нему.

Чтобы установить исходную метафорику, а значит, и смысловую схему авторитета, обратимся к осуществлённому французским лингвистом Э. Бенвенистом анализу слов «авторитет» (*auctoritas*), «автор» (*auctor*) и родственных им. Сопоставив латинские слова с соответствующими им словами других индоевропейских языков, он пришёл к выводу о двоякой значимости этого «лексического гнезда»: «Соответствующая лексика относится одновременно и к политической и к религиозной сферам...» [2, с. 329]. Например, в латыни наряду с *auctor* и *auctoritas* присутствуют древнее существительное *augur* (авгур, жрец-птицегадатель) и производное от него *augustus* (священный, величественный), образующие самостоятельную группу. Одновременно заслуживает внимания тот факт, что в индо-иранском корень *aug-* означает «сила». Очевидно, что *auctor* – имя деятеля от *augeo*, обычно переводимого как «приумножать, увеличивать». При этом Э. Бенвенист подвергает сомнению, что понятие «власть» могло быть порождено основой, обозначающей просто-напросто «приумножать, увеличивать»: «Значение *auctor*, а точнее – происходящее от него *auctoritas* плохо согласуется со значением “приумножать”, действительно присутствующим в *augeo* и не нуждающемся в подтверждении. Но является ли оно изначальноным?» [там же]. При обращении к словоупотреблению из далёкого прошлого обнаруживается, что в самых древних примерах *augeo* указывает не на приумножение того, что существует, а на «творческий акт, созидающий нечто из питательной среды и являющийся привилегией богов или могучих природных сил, но не людей. <...> И в формуле древних молитв тем же *augere* римляне называли благодеяния, которые они ожидали от богов, “продвигая” свои начинания» [там же, с. 330]. Двигаясь к исходной смысловой структуре авторитета, Бенвенист отмечает: «В качестве *auctor* во всех сферах деятельности называется тот, кто “проводит в жизнь”, берет на себя инициативу, первым проявляет какую-то активность, тот, кто организует, обеспечивает...» Таким путем абстрактное имя *auctoritas* «обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или качество предустановленное верховным магист-

ратом, или достоверность какого-то свидетельства, или действенность какой-либо инициативы и т. п., но всякий раз во взаимодействии с семантическими функциями слова *auctor*» [там же]. В качестве итога французский лингвист замечает, что «в *auctoritas* заключены смутные и могучие смыслы. Это присущий немногим дар порождения и – в буквальном понимании – сотворения бытия» [там же].

На основе данного анализа становится очевидным, что понятие авторитета в своих исходных смысловых основаниях оказывается соотносительным с понятием порождающей силы. Последнее понятие было выявлено до Бенвениста этнологами и культурологами, рассматривавшими его в контексте магических представлений архаических народов. В качестве примера можно привести характерное для культуры меланезийцев понятие «мана», которое предполагает наличие у людей (особенно у героев в мифах и у вождей в повседневности), животных, предметов особой жизненной силы. Аналогичные понятия выявляются и у других племён и этносов. Они в определённом смысле могут быть соотношены с широко распространённым ныне в политическом лексиконе понятием харизмы, фиксирующим нетривиальные качества, способности, в том числе определяющие «особую связь» лидера и масс.

Вернёмся вновь к лингвистическому анализу Э. Бенвениста, согласно которому первичное значение *augeo* проясняется посредством *auctor* в *auctoritas*. «Всякое слово, произнесённое властью, предопределяет некоторое изменение в мире, создаёт нечто. Это подспудное качество и выражает *augeo* – силу, которая заставляет растения произрастать и даёт жизнь закону. Только тот, кто выступает как *auctor*, кто что-то производит, наделен данным качеством...» [там же, с. 330]. Здесь становится очевидной перспектива последующей понятийной рационализации, ведущей к представлению авторитета как самопорождения власти: власть предстаёт как создающая авторитет (авторитет власти), но и одновременно как создаваемая им (власть авторитета) (см.: [6, с. 205]). Авторитет, как самопорождение власти, может быть понят и как поддержание властью своего собственного существования, ее способность самовоспроизводиться, в определённом смысле самопорождаться. Таким образом, властный авторитет в значительной степени онтологизируется в качестве некой бытийственной энергетики, силы, определяющей как саму себя, так и сущее или отдельные его аспекты, их согласованность, нормальное функционирование. Это можно обозначить в качестве семантической «вертикали веры» («безусловного» авторитета) в смысловой структуре легитимности. Следует сравнить с Бенвенистом: «Эта власть – *auctoritas*, – которой надо быть облечённым, чтобы произнесённое слово обрело силу закона, есть... сила, божественная в своей основе... обеспечивающая само “существование”» [2, с. 326].

Однако суть легитимности не сводима лишь к «энергетике» символического воссоздания бытия, обусловленной взаимопроникновением

политических и сакральных содержаний. Легитимность реализуется в особом («доверительном») характере властных отношений, предполагающем специфический способ распределения (обмена) «божественной силы» – то, что можно обозначить в качестве «горизонтали доверия» (когда авторитетом наделяются не только непосредственно властвующие, но и другие участники властного отношения) (см.: [5, с. 48]). Соответственно, для прояснения специфики смыслоконцепта «легитимность» необходимо обращение к исходной семантике не только понятия «авторитет», но и понятия «доверие». Продуктивность такого обращения определяется ещё и тем, что сам авторитет, представая в качестве основания власти и формы её осуществления, предполагает способность власти поддерживать согласие, добровольное подчинение, т. е. функционирование системы с минимумом принуждения и насилия.

Стремясь восстановить исходную семантику «доверия», Э. Бенвенист обращается к анализу латинского *credo* (доверять, верить) и указывает на его формальное соответствие санскритскому *sraddha*, подтверждающее, что «мы имеем дело с очень древним наследием». Прототип этих слов восстанавливается в виде индоевропейского **kred-dhe* – «вкладывать **kred*» [2, с. 124–125]. Хотя смысл **kred* остаётся до конца неясным, исследователь высказывает аргументированную догадку, что это слово обозначало своего рода «залог», «ставку», нечто материальное, но затрагивающее и личные чувства. При этом данное слово связывается с процессом наделения магической силой [там же, с. 128, 125].

Основой мирского понятия доверия, веры исследователь полагает древние религиозные представления. Речь идёт о ситуации конфликта между богами, в котором принимают участие и люди, поддерживая ту или иную сторону. «Участвуя в этом конфликте, люди отдают частицу самих себя, что придаёт силу тому богу, которого они решили поддержать; однако при этом они всегда имеют в виду и ответные действия, ожидая от бога вознаграждения» [там же, с. 127–128]. Согласно Бенвенисту, «борец нуждается в том, чтобы ему верили, чтобы ему доверили **kred*; тогда он, в свою очередь, распространяет свои благодеяния на тех, кто оказал ему поддержку. Таким образом, в отношениях между людьми и богами действует принцип “я тебе, ты мне”» [там же, с. 128]. Иначе говоря, подразумевается своеобразная «эквивалентность кредитования», при которой отвлечённое вложение **kred* в Бога равнозначно акту жертвоприношения. Речь здесь идёт не просто об отношениях односторонней зависимости, а о некой состязательности, игре со ставками, оправданность которых предполагается. Вера в таком случае включает в себя уверенность в вознаграждении (человек, посвящая себя Богу, ожидает некой выгоды). Соответственно, «оказывать доверие», «верить» оказывается соотносённым с тем, чтобы «отдавать своё доверие в залог, но с последующим возвратом». На этом фоне особо очевидным становится взаимопереплетение утилитарных и мистических ком-

понентов «доверительных отношений», в том виде как они изначально формируются и функционируют в архаических сообществах.

С понятием доверия сопоставимо по смыслу понятие личной преданности. Важность последнего в становлении смыслоконцепта легитимности определяется тем, что смысл легитимации – в объединении жизненного пространства отдельных индивидов с институциональным порядком через придание ему субъективной значимости» (см.: [3, с. 151–168]). Согласно Бенвенисту, в понятии преданности фиксируются отношения, устанавливающиеся между тем, кто наделён властью, и тем, кто подчиняется ему по своей воле. В индоевропейских языках связь между «преданностью» и «доверием» часто эксплицируется в словах, обозначающих «военное товарищество», «компания друзей», «знать», «дворянство» (например, английское *trust* – «доверие, вера» – явно отсылает нас к латинизированному германскому *trustis*, которое обозначает «тех, кто входит в свиту знатного господина, и одновременно, узы верности, их связывающие»). Слова, обозначающие личную преданность, могут отсылать к таким смыслам, как «истинность и твёрдость связей», «узы верности», «договор о союзе» и т. д. (см.: [2, с. 84–90]).

Бенвенист обращается также к латинскому *fides* и этимологически связанной с ним группе слов, считая их главным выражением понятия «преданность» в западном индоевропейском ареале. При этом им акцентируется, что «область употребления этого термина весьма широка и охватывает сферу религии, морали, философии и даже юриспруденции» [там же, с. 91]. Согласно проведённому анализу, исследователем устанавливается, что прежде значение *fides* было не просто «доверие», но и «качество, которым обладает личность, вызывающая доверие к себе и оказывающая покровительство тому, кто доверяется ей» [там же, с. 84]. Здесь *fides* может оказываться в одном контексте с *dicio* (способность располагать кем-либо) и *potestas* (власть) как качествами, признаваемыми за покровителем, властвующим, победителем [там же, с. 94].

При всем том, согласно французскому исследователю, первичное значение *fides* сближается с понятием, выражаемым корнем **kred* [там же, с. 95]. Это отсылает нас к уже упоминавшимся представлениям о специфической связи, которая возникает между людьми и богами, а также и между самими людьми. Божественный или человеческий заступник нуждается в том, чтобы в него верили, чтобы ему вверили **kred*, поэтому он берет на себя обязательство распространять свои благодеяния на тех, кто его таким образом поддерживает [там же, с. 128, 95]. Смысл *fides* (как и в случае с *credo*) соотносится Бенвенистом со значением «кредит доверия». При этом важно то, что «*fides* развивается в субъективный концепт: это уже не доверие, которое вызывается в ком-то, а доверие, которое оказывается кому-то» [там же, с. 94]. На этом пути и устанавливается соотношение *fides* с *dicio* и *potestas*. В данном случае доверие предстает как нечто личностное, передаваемое в распоряжение другого. Этот другой,

располагая возложенным на него доверием, может держать доверившееся лицо в зависимости. Доверившийся, в свою очередь, может надеяться на защиту и поддержку. Соответственно, отношение, базирующееся на *fides*, разворачивается в виде протекции, оказываемой подчиняющемуся взамен его покорности. Здесь *fides* и сближается с *potestas*, что проявляется, например, в жёстком значении латинского термина *foedus* – союз, заключённый между изначально неравными партнёрами. Такое отношение подразумевает властвование одной стороной и подчинение, послушание другой [там же]. Таким образом, обнаруживается переход от смысловой «горизонтали доверия» в семантике *fides* к смысловой «вертикали веры» (доминирование «безусловного» авторитета).

Опираясь на проведённый Э. Бенвенистом анализ, очевидным становится двойственный характер «доверия-преданности» (*fides*): с одной стороны, *fides* предполагает наличие у того, кому она оказывается, *auctoritas*, *dicio*, *potestas*. Развитие этой смысловой стороны «доверительного отношения» приводит нас к исходности веры-доверия, первенству «безусловного» авторитета как её основания, оправдания и условия. Но, с другой стороны, всякое доверие предполагает своего рода отношение «эквивалентного кредитования», взаимной ответственности. Доверие это не только то, что вызывает авторитет действием самой своей «авторитетности». Одновременно это то, что ему вручается, вверяется, при испытываемом взамен ожидании, что доверие будет оправдано. То есть доверие не только порождается авторитетом, но и питает, и даже порождает его. В этом смысле *auctoritas* функционирует и реализуется, как бы «присваивая» «кредит доверия».

Подводя итог, следует ещё раз акцентировать понятия авторитета и доверия как определяющих исходное смысловое содержание концепта «легитимность». Как показал Э. Бенвенист, понятие «авторитет» (*auctoritas*) первоначально отсылало к представлениям о такой власти, которая есть божественная в своей основе сила. Будучи соотносимым с властью как особой сакрализованной сущностью, авторитет мог мыслиться в качестве способности порождать и самопорождаться, вызывать к существованию и существование поддерживать. Изначально в понятии «авторитет» были заложены мощные мистические, сакральные смыслы, переплетавшиеся со смыслами утилитарными. Со временем, в перспективе последующей более широкой понятийной рационализации, авторитет уже представляется как одна из форм существования власти, наиболее тесно связанная с процессом ее легитимации, когда «власть одновременно создаёт его (авторитет. – С.К.) и создаётся им» [6, с. 205]. При этом формируется и определённая смысловая схема авторитета, в соответствии с которой возникающие между властвующими и подвластными «доверительные отношения» могут рассматриваться как помещённые «в пространстве» между «эквивалентностью» взаимного кредитования сторон («семантическая горизонталь доверия») и доверием,

смещённым в плоскость безусловного авторитета, его «доверительного» доминирования («семантическая вертикаль веры») (см.: [5, с. 48]).

Таким образом, следует согласиться с тем, что исходные основания и отправные смыслы как публичного авторитета, так и легитимности закладываются уже в потестарно-архаических состояниях на уровне переплетения утилитарных и мистических компонентов «доверительных отношений» властвующих и подвластных. Имея же в виду реалии современного легально-правового развития общества, важно отметить, что глубинным основанием легитимности здесь выступает не просто закон и обеспечение его реализации, но прежде всего само признание идеи законности, правопорядка, в том виде как она воплощена в наличном порядке социального бытия.

Список литературы

1. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект Пресс, 1996. 125 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-центр, Медиум Год, 1995. 334 с.
4. Власть: очерки современной политической философии Запада / под ред. В.В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. 327 с.
5. Завершинский К.Ф. Методологическая комплиментарность в исследовании символических матриц динамики политических институтов // Полис. 2003. № 1. С. 39–49.
6. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 432 с.
7. Сладкова А.А. Коммуникативная рациональность как основа социальной легитимации в философии Ю. Хабермаса // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 4. С. 182–187.

ON THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF «LEGITIMACY» NOTION

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

The central issue discussed in the article's format is the conceptual analysis of «legitimacy» notion. Taking as a starting point E. Benvenist's linguistic study of the Indo-European social terms related to the notions of 'authority', 'trust' and 'devotion', the author argues that the essential meaningful properties of the legitimacy notion are based on the deep social-anthropological foundation:

ascending to the archaic power states, these meanings were born at the level of interlacement of utilitarian and mystic components of «confidence relations» between the ruling and the subjected to the rule.

Keywords: *legitimacy and legality, power, authority, trust, semantics of terms, conceptual analysis.*

Об авторе:

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information:

KOZLOV Sergey Valentinovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: koslovserg@yandex.ru